

*В.А. Предборский**В.П. Кунцевич*

ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТЕНЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Трансформационный процесс¹, который присущ переходной экономике постсоветских стран, содержит в себе механизмы существенного проявления «тенизации» социально-экономических отношений — широкого развития теневой экономики. Конечность, историческая ограниченность модели реального социалистического развития, глубокий кризис государственного управления и высокая степень тенизации всех общественных отношений этого общества была обусловлена, прежде всего, тем, что ее экономическая, социальная и политическая системы оказались неспособными адаптироваться к условиям современного развития. Однако результаты последующей их модернизации не только не ослабили развития нестабильности систем государственного управления и вместе с ним тенизации, но и в большинстве случаев усилили их, обострили неадекватность реформ государственного управления условиям развития в большинстве постсоциалистических стран.

В современных условиях, условиях модернизации переходной экономики, проблема эффективности государственного управления, в частности национальной экономической безопасности, приобретает первоочередное значение среди других проблем безопасности, становится стержнем всей экономической трансформации постсоциалистических стран, обуславливает контуры всех основных политических решений. Теоретическая разработка данного научного направления нашла отражение в работах многих российских ученых-экономистов, таких как Архипов А.И., Белоусов А.Р., Белоусов Р.А., Губин Б.В., Жандаров А.М., Исправников В.А. и других. В тоже время в современной теории и практике исследования проблем тенизации экономических отношений ощущается недостаток использования системного политико-экономического обоснования закономерностей развития этих процессов,

изучения устойчивости систем государственного управления в условиях глобальной нестабильности социально-экономического развития. На исследование методологических подходов изучения этой проблематики и направлена данная работа.

Поиск причин глубоких кризисных процессов развития стран восточно-европейской цивилизации, разработка эффективных мер де-тенизации социально-экономических отношений обуславливает обращение к анализу противоречий экономической модели нашего общества, ее генетических особенностей.

Кризис государственного управления как элемент модернизации

Для восточно-европейской модели экономики историческая обусловленность периодичности реформирования проявляется в циклической волне ее модернизации. Экономическая модернизация в этой модели является системой догоняющего развития, приспособление с помощью реформ национального хозяйства к действию принципов и механизмов, в частности, рыночных, которые господствуют во всемирном хозяйстве и генерируются весьма ограниченной группой передовых стран. Модернизация представляет собой сложную комплексную задачу экономической реформации, которая должна решаться в единстве с приведением в соответствие с ее принципами социально-экономических отношений, системы управления, материально-технической базы и структуры народного хозяйства (в зависимости от конкретно-исторических условий это может быть промышленный переворот, индустриализация, постиндустриализация, неэкономика и т.д.) со сменой поведенческих характеристик населения и господствующей идеологией, с приспособлением к ней истеблишмента, правовой системы.

В то же время следует обратить внимание и на действие принципов сохранения в этом ряду метаморфозов национальной экономики, на сохранение в социальной памяти общества основ ее организации. Как подчеркивает в этой связи Д. Норт, «хотя официальные правила могут измениться за одну ночь вследствие политических или юридических решений, неофициальные ограничения, связанные с обычаями, традициями и кодексами поведения, намного меньше поддаются воздействию целенаправлен-

ной политики. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к объяснению пути исторических изменений». Вследствие противоречий между коренными изменениями официальных правил с имеющимися неофициальными ограничениями возникает «непереборное напряжение, которое приводит к долговременной политической или экономической нестабильности». Отсюда делается принципиального значения вывод: в процессе трансформационных изменений «история имеет серьезное значение»².

Революционные глобальные изменения в экономических отношениях на рубеже 1960–1970-х годов, в том числе и поразительное усиление роли отношений управления и, вместе с тем, усиление их неустойчивости привели к глубокому перманентному кризису отношений государственного управления.

Кризис государственного управления — это особенное переломное состояние в развитии и функционировании политической системы общества, его государственно-властных структур, которое характеризуется нестабильностью, разбалансированностью деятельности политических органов, снижением уровня управляемости социально-экономическими процессами, обострением дисфункции социально-экономических институций, экономических конфликтов, возрастанием критической массы неудовлетворенности и конфликтной активности масс.

Эпоху системного кризиса государственного управления открывает кризис 1974–1975 годов, который стал отправной точкой в новейшей истории мировой экономики. По своим важнейшим показателям этот кризис явился наиболее серьезным этапом в развитии и новейших процессов тенизации, имевшими следующие наиболее важные проявления. Во-первых, возникает хроническая дисфункция одного из наиболее гибких и важных экономических инструментов — денежного обращения — инфляция и вместе с ней целая система теневого денежного обращения, построенная на инфляционном росте. Во-вторых, дисфункция денежной системы, которая обусловлена разрушительным влиянием инфляции, спровоцировала тенизационное воздействие этого фактора на состояние международной финансовой и валютной системы — создание оффшорных зон, массовое бегство капиталов, девальвацию основных международных валют,

бюджетные дефициты. В-третьих, кумулятивное воздействие этих факторов привело к угрожающему росту безработицы во всех экономически развитых странах. И, наконец, в-четвертых, разнообразие хозяйственных форм, в том числе появление их эксплоярных (маргинальных) — теневых видов³, формирование широкого спектра новейших организационных структур и структур управления.

Развитие процессов возвышения маргинальных эксплоярных форм, теневых управленческих структур, особенно в условиях глобализации привели к новой волне кризиса государственного управления, ослабления внутренних структур в наиболее устойчивых общественных механизмах последних столетий — суверенных государствах, исключительные условия доминирования государственной формы существенно ослабевают.

Существенными признаками кризиса государственного управления экономикой являются следующие:

- обострение экономических и социальных конфликтов, которые приобретают острый политический характер, поскольку сама возможность их решения, а также требования относительно этого адресуются структурам власти для изменения их политического курса, стратегии, методов, средств преодоления кризиса управления экономикой;

- неспособность государственной власти управлять и разрешать конфликты, которые все более распространяются, регулировать социально-экономические процессы на основе консервации структур и методов управления;

- разбалансированность структурно-функциональной системы государственного управления экономикой и политических институций власти, разрыв их взаимодействия, эффективных связей с внешней и внутренней средой; крах легитимности государственной власти; перманентно острое конфликтное состояние общества, его политической системы⁴.

Кризисное управление является единством двух противоположных тенденций — слома, действием негативных, разрушающих факторов на объект управления, которое вызывает проявления дисфункции его регулятивных систем, и защитно-компенсаторной реакции против деструктивного действия факторов кризиса (например, уклонение от налогообложения в свя-

зи с чрезмерно высоким уровнем налогового бремени). Эти две тенденции кризисного управления являются проявлением диалектики единства и борьбы противоположностей, они структурно и функционально в абстрактном пространстве и времени не имеют определенного адреса, то есть могут в конкретных условиях быть локализованы и привязанными ими к уровню государственного управления или к уровню периферийных субъектов управления как объектов воздействия первого. Однако в контексте нашей работы мы связываем исходную кризисную (патологическую) доминанту именно с кризисом государственного управления экономикой.

В трансформационный период развития в качестве особой конфликтной доминанты выступает всеобщий социально-экономический конфликт, который охватывает важнейшие сферы общественной жизни. Сущность ее проявляется в противоречиях динамики экономических процессов — демонтаж старых методов, принципов, структур и функций управления, с одной стороны, и наращивание системы новых, в значительной мере неадекватных, критически не апробированных, заимствованных, псевдорыночных методов и институциональных структур, с другой. Трансформационный период означает также и наличие глобального противостояния в системе управления носителей различных, часто противоположных интересов и ценностей, что существенно воздействует на сущность конфликтов.

В целом же кризис государственного управления или политический кризис — это всегда острое противоборство, противостояние по поводу организации, осуществления или перераспределения власти, прежде всего экономической, разрешения или устранения конфликтов, которые составляют кризис. Ликвидация противостояния субъектов управления в обществе является основой антикризисного управления и воспроизводства способности государственного управления к выполнению организационной и стабилизационной функции в системе общественных отношений⁵.

Форма кризиса государственного управления, которая вызвана острым противоборством, противостоянием по поводу управления экономикой между государством в лице его органов и субъектов хозяйствования, развитием дисфункциональности уп-

равления (как правило, в обеих сторонах конфликта), проявляется в развитии малой субкультуры, противостоящей макроэкономическим механизмам управления как враждебным, и является так называемой теневой экономикой.

Теневая экономика — это системное явление хозяйствования асоциальной природы с разного рода интенсивностью социальной опасности, которая является формой кризиса государственного управления и проявляется в развитии его дисфункциональности. Теневая экономика являет собой сложно организованную систему, при изучении функционирования которой, в частности, необходимо учесть и действие всей обеспечивающей ее функционирование теневой инфраструктуры — законодательной, судебной, правоохранительной, идеологической, культурной, этической системы, системы ценностей и поведенческих норм и т.д., т.е. теневого параобщества.

Структура кризисных явлений государственного управления и обусловленных ими теневых процессов включает две основных составляющих: фоновые явления, обусловленные объективно сложившейся структурой и противоречиями экономических отношений в условиях относительно стабильного развития и тенезационные проявления, причиной которых являются противоречия модернизации. В связи с этим целесообразно обратить внимание на последнюю составляющую этой структуры.

В современной литературе достаточно широко исследуются особенности циклической природы кризисов в условиях «догоняющих» модернизационных процессов в странах сельской цивилизации, к которым принадлежат и страны СНГ, факторы и этапы их экономической динамики⁶. Методологически целесообразно при этом обратить внимание на наличие существенной связи этих процессов с закономерностями тенезации социально-экономических отношений, с их циклической формой существования.

Циклы российской модернизации

Если обратиться к поиску закономерностей процессов модернизации на основе довольно большого исторического опыта реформирования в России, накопленного в XIX и XX столетиях, легко обращают на себя внимание две своеобразные тенденции этих процессов. Во-первых, при анализе опыта проведения ре-

форм невозможно не заметить стойкую способность к их воспроизведению через каждые 20–30 лет, сбережения при этом в этих реформах общей нацеленности на заимствование ценностей западной экономики, наличие тесной взаимосвязи российских реформ с длинноволновыми колебаниями западной деловой активности, которая нашла свое отражение в деловых циклах Н.Д. Кондратьева. Во-вторых, результаты анализа опыта реформ свидетельствуют о наличии постоянного воспроизводства обратного (инверсионного) движения реформ или, во всяком случае, их явного торможения, по мнению В.Т. Рязанова, относительно заимствования достижений западных реформ, его ограничения и вытеснения из экономического пространства. Контрреформы завершаются новым обострением социально-экономических конфликтов, общественных кризисов⁷. В-третьих, цикл модернизационного движения корреспондируется с периодическим усилением (ослаблением) тенезационных процессов, совпадения их максимумов с восходящей фазой заимствований модернизации.

Изучение истории трансформационных процессов на пространстве бывшей российской империи, СССР позволяет довольно легко выявить их циклическую природу. Так, сначала она была выявлена на этапе так называемого социалистического развития СССР в виде системы «перестроек»: «военного коммунизма», «новой экономической политики», «великого перелома», хрущевско-косыгинских, брежневских реформ, горбачевской перестройки⁸. Дальнейшее изучение циклической природы трансформаций привело к пониманию того, что отдельные их этапы имеют системный характер и являются звеньями большого единого цикла модернизации, который имеет период оборота в почти два столетия. В связи с этим, и современные трансформации следует рассматривать как очередную фазу большого непрерывного цикла развития.

В.Т. Рязанов в истории российских реформ XIX и XX столетий выделяет пять наиболее значительных их волн, которые имеют общую направленность на активизацию формирования рыночных отношений. Первая волна охватывает период с начала XIX ст. до 20-х годов XIX ст., вторая — с конца 50-х годов до середины 70-х, третья — с середины 90-х годов XIX ст. до первой мировой войны (при этом период нэпа выступает как определен-

ная послереволюционная реанимация предыдущих реформ Витте и Столыпина), четвертая — со второй половины 50-х до конца 60-х годов XX ст., и, наконец, пятая волна реформ возникает из середины 80-х годов и продолжается по настоящее время⁹.

Выдвижение в качестве гипотезы предположения о том, что все пять волн экономической трансформации не изолированы одна от другой и выступают звеньями единого процесса модернизации, наличие гиперцикла модернизации, который продолжается на протяжении двух столетий, требует соответствующего выдвижения ее общей генетической основы. Такой основой, на наш взгляд, может выступать циклический процесс реакции ограниченной модернизации «малого» восточно-европейского общества на модернизационные волны западного, адаптация малого общества к изменениям и направлениям развития доминирующего западного. Это воздействие на малое общество совершается в пределах следующих особенных фаз микроцикла: давление капиталистической организации — сжатие, архаизация социально-экономического организма «догоняющего» общества, резкое возрастание теневых процессов, кризис государственно-властных структур; обратная реакция «догоняющего» общества, новое «возвращение» к своим генетическим истокам, расширение и господство модернизированных генетически адекватных форм, снижение кризисных проявлений государственного управления. Каждое изменение в динамике фаз цикла тесно связано с динамикой тенезации, соответствующими ей фазами.

Предложенная основа циклов модернизации для восточно-европейских стран имеет, на наш взгляд, существенные аргументы в свою пользу. Так, ознакомление с историей российских реформ дает основание убедиться в том, что все пять ее волн достаточно точно совпадают с возвышательными фазами длинных волн мировой конъюнктуры. Это указывает на неслучайность и современной фазы цикла, которая выявилась в рыночных реформах конца XX—начала XXI столетия в постсоциалистических странах Европы. Система государственного управления вступила в глубокий кризис, который обуславливает усиление процессов тенезации, синхронизированных с возникновением возвышательной фазы пятого большого цикла деловой активности. Можно говорить о существовании устой-

чивой и воспроизводимой связи, симметричности реформирования постсоветской экономики с накоплением кризисного потенциала в процессах государственного управления, их тенизацией в условиях современного цикла. Это, в частности, свидетельствует о высоких прогностических возможностях кондратьевской теории волново-циклического развития экономики для исследования периодичности процессов ее тенизации. Так, период очередного экономического цикла имеет тесную корреляционную связь со значительным возрастанием преступных проявлений, в том числе и в экономической сфере. Например, вторая волна циклических реформ (50–70-е годы XIX столетия) симметрично совпала с резким возрастанием преступности против личности, против собственности. Это вызвало необходимость проведения глубокой полицейской реформы, соответственно ей качественно нового нормативно-правового обеспечения, существенного совершенствования оперативно-розыскной деятельности и т.д.¹⁰

Важным аспектом исследования закономерностей развития процесса тенизации и ее волново-циклической собственной природы в восточно-европейском обществе является существование свойства инверсии (обратного движения) в ходе проведения социально-экономической модернизации. За ней стоит, по мнению В.Т. Рязанова, действие контррыночной тенденции, которая при определенных, прежде всего, политических и идеологических условиях, а также в зависимости от перегруппировки во властных структурах государства может привести к возникновению ограниченно рыночного или преимущественно нерыночного типа хозяйствования. Так, результатом экономического реформирования в СССР в 50–60-е годы, которые подготовили необходимые условия для современной модернизации, стало формирование «гибридного» (смешанного) типа рынка, являющегося специфической системой хозяйствования, основанной на деформированных рыночных механизмах, своеобразного «бюрократического рынка» с сильными государственно-административными рычагами воздействия на экономику, преобладанием государственного аппарата управления по сравнению с негосударственными субъектами макроуправления и масштабными секторами теневой экономики¹¹.

Волново-циклический процесс модернизации малого общества закономерно имеет теневую составляющую, что связано с имманентно присущими этому процессу явлениями экономического кризиса, дисфункционального состояния государственного управления. В связи с этим, процесс тенизации — накопления дисфункциональности в системах государственного управления также имеет циклическую природу, определенные фазы цикла. Первой фазе цикла модернизации — расширению экспансии, инфильтрации западной экономики в пространство стран догоняющего развития соответствуют специфические особенности ее тенизации. Так, этой фазе — фазе теневого роста — присуще обострение межсекторного разрыва и «гибридизация»¹².

В отличие от развитых стран, где структурные разрывы имеют внутрисекторный характер, а в экономической структуре присутствуют все необходимые для синхронного развития элементы, в зависимых (в отношении необходимости заимствования) странах, к которым относятся государства СНГ, отсутствует ряд блоков экономической структуры, необходимых для нормально сбалансированного развития. Это обусловлено самим характером «догоняющего» развития, способом модернизации этих стран, которая должна выполнять функцию «подтягивания» к уровню технологического способа производства в развитых странах — странах «первой волны» модернизации.

Для преодоления высокого компенсационного барьера на основе модернизации совершается внедрение новейшей промышленной техники и технологии вовне в экономику зависимых стран, что расцикливает циклическое до этого воспроизводство (по собственной траектории цикла). При этом возникает технологический разрыв, сущность которого проявляется в том, что прерывается процесс постепенного и синхронного развития автохтонной технологической структуры, а в саму эту структуру монтируются созданные вне ее технологические блоки. Процесс воспроизводства в зависимых странах теряет характерную для развитых стран на всех этапах развития непрерывность и становится возможным лишь в условиях обмена части их продукта на средства производства из развитых стран.

Таким образом, одним из базовых атрибутов экономической структуры зависимых стран является отсутствие у них в

экономической структуре ряда блоков, необходимых для синхронного развития и отсюда и потребность в периодической модернизации. Критическая масса хозяйственных блоков, необходимых для синхронного развития, определяется наличием такой ситуации, когда все элементы экономической структуры функционируют и поддерживают процесс расширенного воспроизводства, не имея необходимости в подпитке ресурсами, которые поступают в систему централизованного внеэквивалентного перераспределения. Такую критическую массу хозяйственных блоков С.В. Онищук и М.В. Белоусенко называют целостной индустриальной структурой (ЦИС)¹³. Особенно большое значение в условиях ЦИС имеет инфраструктура. Если по объемам производства ВВП на душу населения зависимые страны отстают от развитых в десятки раз, то по уровню инфраструктурной плотности — в сотни и тысячи раз.

Если в развитых странах при наличии ЦИС структурные разрывы возникают только в середине экономических блоков, то в зависимых странах они имеют межблочный характер, что приводит к глубокой деформации всего воспроизводственного механизма. Отсутствие в экономической структуре зависимых стран необходимых хозяйственных блоков приводит к резкому снижению эффективности функционирования соседних блоков, невозможности для них совершать воспроизводство без широкого использования централизованного внестоимостного перераспределения в их пользу производственных ресурсов общества, которые изымаются из других секторов экономической структуры.

Ключевая роль государственного сектора в экономике зависимых стран определяется отсутствием тут ЦИС, в пределах которой только и возможно функционирование экономической системы на базе частной собственности и западной модели рыночного развития. Отсутствие ряда необходимых для синхронного развития хозяйственных блоков и наличие потребности в их немедленном формировании превращает процесс мобилизации накопленных ресурсов государством (как своих, так и привлеченных) и направление их на расширенное воспроизводство в виде инвестиций, прямых государственных дотаций или не прямых субсидий в решающий фактор экономического развития.

В связи с этим, эффективность, активность действий государства, вместе с высокой степенью их экономической безопасности в условиях трансформации приобретает принципиальное значение. В современных же условиях происходит соединение глубокого кризиса государственного управления, его теннизации и криминализации, гибридизации со структурными разрывами и разломом, что обуславливает необходимость существенных объемов, участия государства в перераспределительных процессах, что, в свою очередь, вызывает масштабную, уже вторичную, теннизацию экономических отношений, явления системной коррупции.

Действие противоречий ограниченной модернизации как тенизирующих факторов роста в современных условиях значительно усиливается процессами глобализации социально-экономических систем, что способствует превращению самого тензационного развития в преимущественный транснациональный процесс. При этом противоречия модернизации не только не локализируются в каждой отдельно взятой стране, но и глобализируются, интегрируются между собой в транснациональном масштабе. Такое консолидированное, глобализированное теневое развитие, в свою очередь, превращается в мощнейшую причину развития национальной теневой экономики — современного победного шествия маргинальных, эксплоярных, превращенных экономических форм — основы теневой экономики.

Одним из существенных негативных проявлений транснационального характера теневого развития является ускоренный процесс усиления межсекторного разрыва между центром и периферией экономики, все большей архаизации и теннизации регионального развития, ускорения действия его центробежных тенденций, сепаратизации и т.д.

Ускоренная теннизация социально-экономических отношений в первой фазе цикла модернизационного движения (заимствования) связана с результатами взаимодействия (столкновения) разных в цивилизационном отношении общественных систем — западной и восточно-европейской, архаизация второй под воздействием давления доминирующих в современных условиях ценностей первой. Противодействие данной тенденции в мерах национальной экономической политики требует от государства

всестороннего учета особенностей и объективных преимуществ восточно-европейской цивилизации в условиях нарастания современных глобальных тенденций.

Суть этих тенденций, предсказанных еще в XIX веке Н. Данилевским и О. Шпенглером, отраженных в современных работах С. Хантингтона, состоит в том, что от транснационального, блокового противостояния мир неизбежно перейдет к цивилизационному, когда будут соперничать группы стран и народов, близких (или хотя бы совместимых друг с другом) по социокультурным признакам.

Особенности российской цивилизации

Спор об особенностях развития восточно-европейской цивилизации имеет давнюю историю. Например, дискуссия западников, которые выступали за необходимость обращения к западным теориям для объяснения отечественных институтов, и славянофилов, отстаивали нетрадиционность, нестандартность социально-экономической модели восточноевропейского общества, находилась в центре интеллектуальной жизни на протяжении всего XIX столетия. Понадобилась целая система социально-экономических кризисов, конфликтов, которая охватила западный мир, очевидная неспособность западной цивилизации решать современные принципиальные проблемы общественной жизни, неприемлемость моделей реформирования экономики на западный образец для незападных нерыночных условий, впечатляющая стойкость незападных культур, их способность к быстрому развитию, прежде чем современная гуманитарная мысль снова возвратилась к необходимости признания других, незападных цивилизаций как носителей самостоятельных ценностей и законов социально-экономического развития.

Одним из первых исследователей, который усомнился в универсальном значении ценностей одной (западной) цивилизации по отношению к другим, был шотландский философ А. Фергюсон, который в работе «Очерк истории гражданского общества» (1767) поставил вопросы о сложности и даже невозможности перенесения культурного опыта одной цивилизации на неподготовленную почву других органических ценностей, других цивилизаций. Он критически отнесся к господствующим тогда

линейным представлениям о социально-экономическом развитии во всемирной истории, в которых национальные культурные особенности подавались как вторичные, преуменьшалось значение социальной памяти, культурного исторического опыта, религиозных расхождений.

Критическое отношение к господствующей к тому времени доктрины линейности прогресса получило значительную поддержку. Так, английский историк Г. Бокль обратил внимание на необходимость различать закономерности цивилизации Запада, которая развивается линейно, и других цивилизаций мира, которым присуще циклическое развитие¹⁴.

Немецкий историк Г. Рюккерт, продолжая разработку данной научной доктрины, утверждал, что историческая действительность не может быть логическим образом чином расположенной в виде одной линии. История осуществляется в виде «культурно-исторических организмов», то есть пакета сосуществующих отдельных цивилизаций¹⁵. Рюккерт обосновывал свои выводы относительно множественности цивилизаций прежде всего на примере Китая, который имел существенные отличия от западной культуры. В дальнейшем эта немецкая научная традиция нашла своих последователей в лице известных деятелей немецкой науки и культуры — Гердера, Лейбница, Гете, В. Гумбольдта, Шопенгауера, Т. Манна, Хайдеггера.

Двадцатое столетие с его фронтальным выходом на политическую, экономическую, культурную арену многих новых стран, которые к тому времени будто находились в тени истории, серьезнейшим образом чином оказало содействие укреплению представления о множественности социально-экономических условий развития разных цивилизаций, которые выступают в качестве определенного пространства и времени. Распространяются представления о цикличности и ограниченности жизни отдельной цивилизации, наличия у нее фаз подъема, развития и упадка, черт отдельно-особенного вида культуры. У Шпенглера «цивилизация» представляет собой организм, отделенный от себе подобных и характерный внутренним единством, — организм, в котором носители данной культуры переходят от состояния героических действий к механическому функционированию, за которым данную цивилизацию, каковы бы ни были ее

достижения, ждет остановка внутренних источников развития и неминуемый распад, историческая смерть. «Будущее Запада не является безопасным движением вверх и вперед по линии наших идеалов, которые тонут в фантастически необъятном времени, но строго ограничено в отношении формы и продолжительности неизбежно определенного заведомо частичного феномена истории, измеряемая несколькими столетиями, которые можно на основании имеющихся примеров осмотреть и определиться в его существенных чертах»¹⁶.

Большой вклад в теорию множественности цивилизаций сделал известный английский культуролог А. Тойнби. Он дал определение цивилизации с учетом его внешнего контура отношений взаимодействия с другими цивилизациями: «цивилизации — это целостности, чьи части отвечают одна одной и взаимно влияют одна на одну»¹⁷.

Страны Запада, по Тойнби, с учетом исторических обстоятельств, по основным социально-экономическим характеристикам развития соответствуют одна одной и в то же время влияют на соседей. Однако если Запад, как особая цивилизация, влияет на окружающий мир, то и окружающий мир должен влиять на Запад, в частности в связи с этим речь может идти о восточноевропейской цивилизации.

Одним из важнейших достижений теории множественности сосуществующих цивилизаций и механизмов их взаимодействия является открытие общины¹⁸ как базовой организационной структуры незападных цивилизаций.

Так, завоевание англичанами Индии впервые поставило задачу изучения ее социально-экономической структуры для решения сугубо практических целей — отладки системы ее эксплуатации. Переломным моментом в решении этих задач считается начало 70-х лет XVIII в., когда Ост-Индийская компания попыталась построить собственную систему сбора налогов, отвергнув местную, традиционную, организационно запутанную и малоэффективную. В эти же годы началось настойчивое изучение социально-экономического устройства и традиционных институтов Индии английскими учеными.

Логическим продолжением этой работы было «открытие» Т. Манро индийской крестьянской общины и изложения ее осо-

рых механизмов в книге друга Манро, лейтенанта-полковника М. Уилкса (1810). «Внутренняя структура и условия в каждом таком отдельном полисе (township), — отмечал М. Уилкс, — оставались неизменными, ее не касались никакие революции, никакие завоевания... Захваты, узурпации или революции, как таковые, абсолютно не влияли на нее. Завоеватель или узурпатор, прямо или через своих агентов, в качестве суверена или представителя суверена, адресовался к главе полиса; служащие, границы, вся форма внутреннего устройства полиса оставались неизменно прежними»¹⁹.

Не прошло и 30 лет с того времени, как Манро и Уилкс ознакомили мир с открытием индийской общины, как вдруг русские исследователи-славянофилы сообщили о том, что один из европейских народов — славяне, и в особенности русские, отличаются от других народов своим общинным устройством. В дальнейшем было выявлено, что все народы в своем генетическом социальном корне удерживают гены общинного устройства, правда, с разной степенью доминирования в современных условиях.

Идея особой роли общины в русском обществе впервые была высказана философом И.В. Киреевским²⁰, подхвачена Ю.Ф. Самариним²¹, для которых она, в частности, была аргументом в пользу естественного права крестьянина на землю и обязательности наделения его землей при переходе от крепостного права к капиталистическим отношениям на земле.

Взгляды славянофилов сначала отражали в основном интересы либеральной части русских помещиков с присущим им «православным» национализмом, панславизмом, монархизмом, патриархальной демократичностью. Однако концепция особого пути и исторической миссии России захватила постепенно и радикальные круги, О.И. Герцен, знакомый с взглядами славянофилов на общину с начала 1840-х гг., обратился к этой идее после пессимистической оценки событий революций 1848 года. Пораженный увиденным, активный «западник» Герцен глубоко разочаровывается в западном капитализме, в мучительных раздумьях о будущем России ищет для нее возможности избежать противоречий, противостояний, потерь капиталистического пути и ради этого обращает внимание на «части будущего» в наличном генетическом аппарате общества. «Община, — утверждал

Герцен, — спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно расшатанная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России»²².

Известнейший украинский экономист М.И. Туган-Барановский опубликовал целую серию основательных работ, в которых, в отличие от современных украинских исследователей, большое внимание было уделено будущему общинных форм, в частности опыту устройства социалистических общин в истории человечества и анализу этого опыта. Наиболее основательные из них «Общественно-экономические идеалы нашего времени» (СПб., 1913) и «В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени» (СПб., 1913). Характерной особенностью этих работ была органическая связь идей эффективной организации с идеями общины — кооперации, которую высказывал, доказывал и оригинально интерпретировал М. Туган-Барановский, делая значительный шаг в развитии идей эффективной организации общества.

Существенным вкладом ученого в теорию организации эффективного хозяйствования являются его выводы в пользу необходимости учета генетической наследственности общественной организации. М. Туган-Барановский исследует разные типы и виды кооперации, их социальные, организационные и хозяйственные характеристики, роль и возможности в защите интересов разных прослоек трудящихся, их возможности относительно уменьшения напряжения общественных противоречий. Предмет особого внимания исследователя — сельскохозяйственная кооперация разных видов, с развитием которых ученый связывал надежды на подъем уровня эффективности общественной организации. Особое значение он уделяет развитию кооперативного движения на Украине, усматривая в нем путь не только к подъему экономики, а и к национальному и культурному возрождению ее народа²³.

Однако, несмотря на значительные результаты исследования общинных форм, которые образовали значительный пласт познания особенного в развитии экономических форм, в частности восточно-европейской цивилизации, в научной мысли постсо-

ветских стран воцарился евроцентризм, который отвергнул существование других жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Структура современного экономического дискурса, который применяется на протяжении последних ста лет сначала в СССР, а затем и странах СНГ, опирается на систему категорий, на методологию, выработанную западной экономической мыслью, в том числе и марксизмом, и которые, в свою очередь, возникли на базе исследования закономерностей развития западной экономики.

Организационный опыт общества, который активно присутствует в современной управленческой деятельности и определяет ее эффективность, адекватно не учитывается в деятельности современных государственных и негосударственных институтов. В связи с этим нужно отметить, что как сам процесс использования знаний, информации имеет всеобщий характер, так и передача организационного опыта, как компонент банка социальной памяти общества, тоже имеет всеобщие формы влияния на современную деятельность, на весь его пространство. Так, например, память про большую частью аграрное прошлое восточно-европейской цивилизации и ее общинные организационные формы обуславливает проявление этой памяти во всех новейших формах деятельности, а не только в тех из них, которые принадлежат к современной аграрной сфере, воспроизведение культурной крестьянской традиции в политике, социальной, духовной сфере, экономике. В то же время наличие самого механизма, который обеспечивает непосредственность передачи этого опыта, например, в границах трудовой крестьянской семейной организации, или опосредованность его в границах современных высокотехнологических сфер, обуславливает уровень полноты и аутентичность этой передачи.

По мнению С. Кара-Мурзы, общая ошибка марксизма, который слишком жестко применял формационный подход, проявляется в том, что он ставил знак равенства между докапиталистическими формами и некапиталистическими. Если не видеть в общине ее цивилизационное, а не формационное содержание, то она, естественно, выступает как исторически предшествующая капитализму форма и в XIX, тем более в XXI в. выглядит как архаизм, дикость, экономический рудимент. Если же рассматривать общину как продукт культуры, жестко не связанный с формацией, то в ней можно увидеть особый гибкий и насыщенный

содержанием уклад, совместимый с разными, в том числе современными, социально-экономическими базисами. На основе общинных отношений строилась ускоренная модернизация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общинной организации положены в основу построения кооперативов малых предприятий юга Италии, которые конкурируют с мощными корпорациями даже в области микроэлектроники²⁴.

В связи с глубоким современным кризисом постиндустриальной цивилизации, возникновением неэкономической тенденции в мире возник большой интерес к исследованию принципов организации крестьянской экономики, за которыми будущее мировой экономики, оснований этой организации. Только экономика, организованная на этих принципах, способна решить глобальный узел современных противоречий управления, значительно снизить интенсивность противостояния в управлении в звене государство-предприятие-человек. Поэтому изучение основ организации крестьянской экономики, трансляции основ социальной памяти в Китае, Индии, Японии, России, Белоруссии и Украине имеет большое значение для преодоления этих проблем.

Изучение стран «аграрной цивилизации», втянутых в современную капиталистическую систему как ее периферия, дало возможность сделать принципиальные выводы. Главное содержание их можно выразить следующим образом: капиталистическая организация в этих странах не могла вытеснить организационные формы, построенные на общинных началах. И не только не могла вытеснить и трансформировать экономическую структуру на присущих ей основах, а и имела существенную потребность в укреплении альтернативных ей (капиталистической организации) форм. Иначе говоря, для проникновения и развития в определенном секторе экономики стран капиталистической периферии капиталистических форм другие секторы этой экономики должны были «отступить» к основам организации, построенной на общинной памяти, претерпеть свою «архаизацию», стать более традиционной по своей структуре, чем до этого. Капиталистическая модернизация в странах «аграрной цивилизации» приводит к образованию двойственной структуры общественной организации, усиление экономического фундаментализма, общинной социальной памяти в общественных структурах и од-

новременное усиление тенизации экономической жизни²⁵. Это связано хотя бы с тем, что усиление двойственной общественной структуры означает резкий толчок к развитию неформальных структур управления. Именно в связи с этим А.В. Чаянов подчеркивал тот факт, что семейное трудовое хозяйство, имея особый способ внутренней организации, делает его непрозрачным для действующей системы общественного контроля, его внутренний («субъективный») уклад вообще невозможно сделать объектом анализа при поверхностном взгляде²⁶.

Из анализа механизма взаимодействия семейного трудового хозяйства как формы общинной организации с внешней экономической средой, которой ныне выступает капиталистическая организация, А.В. Чаянов делает важный для данной темы вывод: хозяйства с таким типом социальной памяти сохраняют свою внутреннюю природу в разных народнохозяйственных системах, выступают в разных формах; в своих внешних проявлениях они имеют огромный потенциал социальной «мимикрии», таким образом, что видимость их внешних проявлений создает у исследователя соблазн и их внутреннюю природу трактовать в категориях капиталистической макросистемы, хотя эти категории и логика их раскрытия неадекватны внутреннему укладу данной системной организации.

Таким образом, в зависимых, некапиталистических странах — в социально-экономическом пространстве, которое выделилось из традиционных основ развития под влиянием капиталистического давления развитых стран в условиях первой фазы модернизации развиваются не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие псевдокапиталистические архаические превращенные укладные формы, с которыми в докапиталистический период периферийные страны не сталкивались или сталкивались лишь в ограниченном объеме. В этих странах капиталистические отношения вырождаются, регрессируют в предшествующие им укладные формы. И это, в сущности, регрессивные формы самого капитала, которые исторически не предшествуют самому капитализму, но возникают вследствие его же давления, им же самим им порождаются. Эти формы представляют огромную часть экономической структуры этих обществ, вместе с тем они обречены на выталкивания за границы господствующего официального уклада

этих обществ — проводников влияния западного общества и его экономики, находясь в тени этого уклада. Другими словами, чтобы в любой некапиталистической стране мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая — большая часть должна отступить к общине, претерпеть архаизацию, стать более традиционной, чем раньше, интегрироваться с более регрессивными, неофициальными теневыми формами. «...Капитализм не может существовать без более или менее большой буферной «архаической части, соками которой он питается»²⁷. Это положение имеет актуальнейшее значение для понимания современных реалий модернизации.

Тенизационные процессы в современных транзитивных странах

Потребность в обеспечении капиталистической экспансии за счет создания архаизированного пространства вокруг капиталистического уклада не ограничивается лишь продуцированием широкой периферии в виде зависимых стран с объемным теневым сектором. Развитие капитала требует мощной иммиграции населения из менее развитых, зависимых стран, создания архаической, обслуживающей потребности роста капитала, псевдотрадиционной экономики непосредственно внутри развитых капиталистических стран. Эти архаические секторы общества создают мощную, псевдотрадиционную по отношению к укладу стран-реципиентов иммиграции экономику, главную часть теневой деятельности в развитых странах. Не случайно, например, наиболее экономически развитой стране Запада США так присуща постоянная потребность в иммиграции, а криминальной истории этой страны — объемная история преобразования иммиграции во все новые волны развития организованной преступности — ирландской, еврейской, итальянской, китайской, испаноязычной, «русской».

Таким образом, продвижение капитализма в страны с обштинной памятью, как результат первой фазы модернизации, потенциально усиливает в этих последних закрытые, теневые зоны экономического пространства, в которых в огромных объемах осуществляются теневые процессы. Так, широкое использование в хозяйственной теневой практике постсоветских государств

форм деятельности, связанных с осуществлением нелегальной, нелегальной деятельности, уклонением от налогообложения, отражает общую закономерность усиления архаизации экономических отношений, диалектического «возвращения», в частности, к генетической памяти функционирования натурализованного, автаркичного, в значительной мере слабо связанного с деятельностью государства, крестьянского общества.

Однако главное и опаснейшее проявление архаизации социально-экономических структур присутствует в сфере управления как государственного, так и негосударственного, в значительном общем снижении его уровня профессионализма, распространения криминальной и полукриминальной идеологии, антипатриотических установок, взяточничества, усиления в них авторитарных, административных, силовых методов руководства, потере, снятия или существенного снижения адекватного реалиям социально-экономических процессов уровня административного контроля над многими видами экономических явлений. Так, огромный объем теневого производства фальсифицированной продукции в современной Украине объясняется именно значительным ухудшением административного контроля в сфере производства и реализации продукции, сращиванием интересов субъектов контроля и производства, значительным отставанием разработки необходимой нормативной базы, создания соответствующей инфраструктуры контроля за теневыми проявлениями. По оценкам экспертов, теневое производство алкогольной продукции в Украине составляет около 50% общего оборота рынка²⁸.

Существование огромного теневого рынка алкогольной продукции, к сожалению, не единственное проявление производства фальсификата, он является теньвым двойником многих видов продукции и услуг на национальном рынке. Например, существенные, значительные нарушения качества продукции выявлены на национальном рынке бензина, нарушения правил розничной торговли нефтепродуктами дали основание для прекращения реализации бензина в 76% предприятий разных форм собственности, которые проверялись территориальными органами защиты прав потребителей.

Архаизацией административной деятельности объясняется и другой опасный для официальной социально-экономической

структуры общества процесс децентрализации административных функций, размывание абсолютной монополии государства на легитимное насилие — создание альтернативных государству силовых центров власти, прежде всего в виде организованной преступности, негосударственных военных группировок.

Причинами архаизации, как и следствиями объемной тенезации экономической деятельности, является любое избыточное давление западного способа производства на экономические структуры традиционного общества как в виде его прямой экспансии в его структуру субъектов хозяйствования, организационного опыта, культуры, достижений западного менеджмента, влияния международных организаций, финансового капитала или посредничества такой экспансии в виде отечественных элитных структур, так и наоборот — излишней закрытостью, восприятием западного способа производства и жизни как сугубо враждебного явления, активным противодействием им в организации макроэкономических процессов, автарктичным построением общества; лишь соблюдение необходимого баланса во взаимном обогащении цивилизационными достижениями является оптимальной стратегией трансформации общества с минимальным грузом тенезационных процессов при этом.

Связывая причинными связями тенезационные процессы с кризисными явлениями, которые, прежде всего, присущи переходным, трансформационным процессам, не следует делать при этом вывод о том, что в условиях относительной стабильности социально-экономических процессов, когда достигается относительное соответствие между уровнем развития этих процессов и уровнем государственного управления, степень тенезации равняется нулю или близка к минимальным значениям. При любых условиях, когда достигается даже относительно высокий уровень эффективности государственного управления, которое минимизирует противоречие и конфликтность с периферийными звеньями управления, существует стабильный уровень так называемой естественной тенезации, когда некоторые управленческие механизмы имеют низкий или минимальный уровень транспарентности для общества, государства, их контроля и регулирования. Особенно это присуще крестьянским цивилизациям с их стабильно высоким уровнем неформальной экономики,

особыми, нетранспарентными процессами и процедурами в деятельности многих учреждений государства.

Отличие в социально-экономических последствиях естественной тенизации от кризисной заключается в том, что общество воспринимает нетранспарентность первой как необходимость и даже ценность, без наличия которой невозможна общественная жизнь и которую следует оберегать. Она не является транслятором дальнейшего распространения кризисных явлений, а есть естественное звено в механизме конкретно-исторического развития и управления. Естественная тенизация по аналогии играет приблизительно такую же функцию в этом механизме, как частная жизнь у индивида, которая в целом является непрозрачной для публичных отношений.

Функцией второй фазы цикла модернизационного движения является «возвращение» системы общественных отношений к своему генетическому тождеству, приспособление, усваивание заимствованных результатов цивилизационного взаимодействия на основе своих «корневых» структур. Это вводит развитие последних в режим устойчивого, равновесного развития, переводит их из состояния рецессивного стрессирования, вытеснения, угнетения — архаизации, тенизации общественных форм в положение возврата доминирования, что значительно снижает потенциал тенизации до фоновых значений.

Эффективность выполнения, как первой («заимствования»), так и второй («возврата» к своим ценностям), функций соответственно фазам модернизационного движения, полнота учета их особенностей в реформационных программах в свою очередь определяется адекватностью формы государства, систем государственного управления, как определяющих инструментов цивилизационной адекватности социально-экономического развития, необходимости реализации этих функций, целенаправленным их изменением в каждой из фаз модернизации.

Таким образом, развитие отношений управления на протяжении XX и начала XXI столетий, превращение их в решающее звено социально-экономических процессов, с одной стороны, неадекватные меры относительно их трансформации, с другой, привели к обострению кризиса государственного управления экономикой, который приобретает хронический характер.

Одним из существенных последствий этого кризиса является развитие противостояния периферийных звеньев системы управления экономической деятельностью, консолидация этого противостояния в систему антигосударственного экономического управления — в онтологически и гносеологически заметное социально-экономическое явление, которое мы называем «теневой экономикой». XXI столетие — это период, когда, с одной стороны, появляется острая необходимость в специальном механизме постоянного контроля за состоянием государственного управления и его целенаправленным регулированием, с другой — обеспечивается возможность в создании такой специальной системы управления — национальной экономической безопасности через подготовленные для этого исходные параметры развития потенциала отношений управления.

Эффективность государства проявляется в способности соединения в системе государственно-административного реформирования этих двух сторон диалектических противоположностей, создания действенной, развитой системы экономической безопасности, одним из главных объектов которой должна стать дееспособность системы государственного управления, эффективность, системность самого его реформирования, жесткий контроль за его чистотой от коррупционного и теневого перерождения как постоянный фактор государственной и общественной политики в трансформационный период.

Примечания

¹ Трансформация (лат. *transformatio*) — изменение, превращение вида, формы, существенных свойств чего-нибудь; перенесение наследственной информации от клетки одного генотипа в клетку другого. В отличие от модернизации (от фр. *modernisation* — обновление), которая предполагает обновление, совершенствование, придание чему-либо современного вида, переработка соответственно с современными требованиями (Словарь иностранных слов. Главная редакция УСЭ. Киев, 1977. С. 443, 676). Принимая во внимание воздействие внешних факторов, трансформация — это процесс глубокого обновления социально-экономического организма с учетом процесса рефлексии — диалектического «возвращения» к генетическим корням, прошлому опыту, это модернизация на основе полного, эффективного использования собственных преимуществ тех или иных свойств социально-экономических систем в деятельности, прежде всего, их государственно-властных органов, других институциональных структур.

- ² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Киев, 2000. С.15.
- ³ Шанин Т. Иное всегда дано... // Знание-сила. 1990. № 9. С. 12–17.
- ⁴ Антикризисное управление. М., 2001. С. 79.
- ⁵ Там же. С. 81.
- ⁶ Рязанов В.Т. Реформы и циклы модернизации российской экономики // Российский экономический журнал. 1992. № 10. С. 69.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бестужев-Лада И. Преодоление проблемных ситуаций в управлении социальными процессами // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 31–40.
- ⁹ Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁰ Пиджаренко А. История и тайны уголовного и политического сыска. Киев, 1994. С. 123–133.
- ¹¹ Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 73.
- ¹² Онищук С.В., Белоусенко М.В. Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. 2-е изд. Донецк, 1999. С. 93–100.
- ¹³ Там же. С. 95.
- ¹⁴ Бокль Г. История цивилизации: пер. с англ. М., 2002. Т. 2. С. 50–57.
- ¹⁵ Ruckert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organisher Larstellung. Leipzig, 1857. Bd.I. S. 96.
- ¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 216–217.
- ¹⁷ Toynbee A. Study of History.V.3. London, 1934 . P. 380.
- ¹⁸ Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 12–18; Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 156.
- ¹⁹ Wilks M. Historial Sketches of the South of India, in an Attempt to trace the History of Mysoor. London, 1810. P. 121.
- ²⁰ Киреевский И.В. Избранные статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Котельникова. М., 1984. 383 с.
- ²¹ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. 606 с.
- ²² Герцен А.И. Русский народ и социализм. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1956. С. 323.
- ²³ Туган-Барановський М.І. Кооперація. Її природа та мета. Львів, 1936. С. 125–126. Туган-Барановський М.І. Чи потрібні Україні свої національні кооперативні центри // Кооперативна зоря. 1918. № 4. С. 13–14.
- ²⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). М., 2001. С. 20.
- ²⁵ Литвинова О. Неконтрольований додатковий випуск акцій фактично позбавляє державу її законної частки у найбільш привабливих українських підприємствах // Факти. 2003. 18 червня. С. 10.
- ²⁶ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство / А.А.Никонов (отв.ред.). М., 1989. С. 143.
- ²⁷ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 29.
- ²⁸ Армия погибших от фальсификата // Потребитель. 2004. 30 янв. С. 2.